

Служба Zion Mule Corps въ Галлиполи

ГЛАВА II

ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ — ZION MULE CORPS

Консулъ Петровъ былъ горячій русскій патриотъ. Какъ онъ, помимо того, относился въ душѣ къ нашему избранному народу, за это я ручаться не берусь — и вообще самъ еще не настолько освободился отъ пережитковъ дѣдовской ксенофобіи, чтобы имѣть право выслѣживать зерна того же недуга въ чужой душѣ. Но патриотъ онъ былъ несомнѣнный, и притомъ еще сухой и накрахмаленный бюрократъ исконнаго, классическаго, деревяннаго образца. Среди нашей молодежи въ бѣженскихъ лагеряхъ оказалось нѣсколько сотъ русско-подданныхъ. Въ то время въ Египтѣ еще дѣйствовали добрыя старыя «капитуляціи», по которымъ консулъ имѣлъ экстерриториальныя права надъ «своими» подданными. А поэтому консулъ Петровъ внезапно предъявилъ британскимъ властямъ требованіе — отправить молодыхъ людей на военную службу въ Россію.

Положеніе получилось неудобное. Отношеніе наше и нашей молодежи къ этому ходу консула Петрова понятно безъ объясненій. Но

британское начальство, согласно капитуляціямъ, не имѣло права ему отказать: напротивъ, обязано было предоставить къ его услугамъ для этой цѣли всѣ свои полицейскія силы.

Къ англійскому губернатору (официально онъ именовался «со-вѣтникомъ» при губернаторѣ - туземцѣ, но правилъ городомъ онъ) отправлена была депутація; и тутъ я, старый поклонникъ эспаньольскаго еврейства — это, по моему, лучшіе евреи на свѣтѣ — подмѣтилъ еще одно ихъ достоинство, котораго прежде не зналъ: какъ сефардъ разговариваетъ съ начальствомъ въ городѣ, находящемся на военномъ положеніи.

Главнымъ ораторомъ депутаціи былъ Эдгаръ Суаресъ, банкиръ обычнаго банкирскаго типа, лѣтъ пятидесяти пяти, по взглядамъ — заклятый ассимиляторъ; съ этимъ губернаторомъ онъ, должно быть, каждый вечеръ игралъ въ клубѣ въ покеръ — но вѣдь и послѣ этого губернаторъ оставался губернаторомъ.

Суаресъ спросилъ его:

— А вы помните, ваше превосходительство, что творилось въ Александріи два года тому назадъ, когда этотъ самый консуль Петровъ хотѣлъ арестовать русскаго еврея Р. на томъ основаніи, что тотъ былъ «политическимъ преступникомъ» въ Россіи?

— Помню, — отозвался губернаторъ нѣсколько уныло, потому что дѣйствительно не забылъ еще той громадной демонстраціи десяти тысячъ эспаньоловъ на главныхъ улицахъ Александріи, съ этимъ самымъ Суаресомъ во главѣ толпы.

— А помните, — опять спросилъ Суаресъ, — какъ вамъ пришлось вызвать пожарную команду, съ большой кишкою — а мы все-таки не выдали того «преступника»?

— Еще какъ помню — отвѣтилъ губернаторъ, теперь уже съ улыбкой, потому что въ концѣ концовъ былъ онъ все-таки «а спот» и умѣлъ цѣнить удачную продѣлку. — Что же мнѣ было дѣлать, когда какой то босякъ перерѣзалъ пожарную кишку?

— Позвольте представиться, — отвѣтилъ Суаресъ, — я и былъ тотъ босякъ.

Губернаторъ разсмѣялся.

— Будьте спокойны, — сказалъ онъ, — вашихъ молодыхъ людей мы не выдадимъ. Конечно, дѣло очень щекотливое — капитуляціи, военное время... но о выдачѣ не можетъ быть и рѣчи.

Послѣ этого визита къ губернатору я пошелъ знакомиться съ І. В. Трумпельдоромъ. О томъ, что онъ находился среди бѣженцевъ, я зналъ уже раньше, но никогда его не видѣлъ. Онъ жилъ на частной квартирѣ. На консула Петрова можно было сердиться за что угодно, но одно надо признать: человекъ онъ былъ корректный. Какъ только до его свѣдѣнія дошло, что въ числѣ бѣженцевъ имѣется бывший русскій офицеръ, потерявшій руку въ Портъ-Артурѣ, онъ сейчасъ же послалъ къ нему передать привѣтъ и сообщить, что причитающуюся Трумпельдору пенсію тотъ можетъ получать ежемѣсячно въ здѣшнемъ консульствѣ. Трумпельдоръ поэтому ни въ чемъ не нуждался и еще другимъ помогалъ.

Я слыхалъ о немъ, конечно, еще въ Россіи. Хотя слѣдовало бы ожидать, что каждому читателю извѣстна его біографія, всетаки пожалуй разумнѣе будетъ напомнить ея главныя черты.

Родился онъ на Кавказѣ, въ 1880 году. Отецъ его былъ военный фельдшеръ, еще изъ николаевскихъ солдатъ. «Ося» не видалъ гетто ни въ отцовскомъ домѣ, ни, конечно, въ окружавшей его дѣтство кавказской обстановкѣ.

Въ университетъ онъ не попалъ изъ-за процентной нормы, а потому сдалъ экзамень на званіе зубного врача. Тутъ подошла русско-японская война, и Трумпельдоръ очутился въ Портъ-Артурѣ. Во время знаменитой осады онъ былъ раненъ и потерялъ лѣвую руку выше локтя, но, выйдя изъ госпиталя, снова добился отправки на передовыя позиціи. У него были четыре Георгія.

Послѣ плѣна и заключенія мира онъ попалъ въ Петербургъ, получилъ недосыгаемый въ то время для еврея чинъ прапорщика запаса, и былъ принятъ на юридическій факультетъ. По окончаніи университета уѣхалъ въ Палестину и сталъ простымъ рабочимъ гдѣ то въ Галилеѣ. Работалъ съ одной рукой прекрасно. Пришла война, и его выселили.

Служивецъ и другъ его, покойный Д. Бѣлоцерковскій, рассказалъ мнѣ такой случай изъ того времени, когда у Трумпельдора еще были обѣ руки: онъ уже былъ «отдѣленнымъ» (выше этого чина, даже до младшаго унтера, нельзя было тогда еврею дослужиться), и взводъ его засѣлъ въ окопахъ на сопкѣ передъ крѣпостью. Японцы круто наступали; почти всѣ сосѣднія сопки уже были очищены, во взводѣ Трумпельдора всѣ старшіе чины перебиты — кромѣ прапор-

И. В. Трумпельдоръ

щика запаса, который уже давно ушел по начальству за приказомъ, что дѣлать, и не вернулся. Солдаты начали ворчать, стали ползти къ выходу изъ траншеи. Трумпельдоръ сталъ у выхода съ винтовкой и объявилъ: «кто тронется съ мѣста — застрѣлю». Такъ и остались они въ окопѣ, пока не опустѣла и послѣдняя изъ сосѣднихъ русскихъ сопокъ. Тогда онъ солдатъ послалъ въ крѣпость, но самъ остался и полѣзъ на развѣдки: осмотрѣлъ профиль той мѣстности и пришелъ къ убѣжденію, что японцевъ еще можно прогнать. Въ это время увидѣлъ онъ на равнинѣ, въ сторонѣ отъ огня, офицера въ капитанскихъ погонахъ морского дивизіона, съ подозрительной трубкой въ рукахъ. Трумпельдоръ спустился къ нему и объяснилъ: если вызвать свѣжую роту и поставить ее тамъ то, можно еще отобрать позицію назадъ.

— Вѣрно, — сказалъ капитанъ. — Сбѣгай, голубчикъ, вонъ за тотъ бугоръ — тамъ засѣла моя команда; скажи старшему офицеру, чтобы шли сюда.

Трумпельдоръ добѣжалъ до пригорка, на который сыпались японскіе снаряды, вскарабкался на вершину — и увидѣлъ, что морская команда, не выдержавъ огня, «отступила»: «только пятки мелькали» — онъ вернулся къ капитану и доложилъ. Тотъ глубоко огорчился: сорвалъ фуражку, ударилъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ и застоналъ:

— Осрамили! Удрали — какъ жида!

Трумпельдоръ подтвердилъ мнѣ потомъ этотъ анекдотъ, очень весело улыбаясь.

Я засталъ его дома. Видъ у него былъ сѣверянина, можно было принять и за шотландца или шведа. Ростъ выше средняго; тонкій, жесткіе русые волосы коротко подстрижены, выбритъ чисто, губы блѣдныя, со спокойной улыбкой. По русски говорилъ онъ хорошо, хотя въ Палестинѣ научился немного «пѣть». Еврейскій языкъ у него капаль медленно, былъ небогатъ словами, но точенъ; на идишъ онъ говорилъ ужасно. Онъ былъ хорошо образованъ, большой начетчикъ въ русской литературѣ — читалъ даже вещи, которыхъ никто не читалъ, Потемню и т. п. — и помнилъ каждую прочитанную строчку. По сей день не знаю, былъ ли онъ изъ тѣхъ, кого у насъ въ еврейскомъ быту титулуютъ «умными». Скорѣе нѣтъ. У насъ въ это понятіе входятъ всякія пряныя приправы — подозрительность, скептицизмъ, хитроуміе, умѣ-

Handwritten text in Hebrew script, partially obscured by a dark stain on the left side. The text appears to be a list or a set of instructions.

205 בר סגור גולדמן

1010, 1100, 1200

1310, 1400, 1500, 1600

Rue Colon Pompe II (1700) N 67.

1800, 1900, 2000, 2100

2200, 2300, 2400, 2500

2600, 2700, 2800, 2900, 3000

3100, 3200, 3300, 3400, 3500

23 Hotel Metropole
18 Hotel Metropole
19 Hotel Metropole
17 Hotel Metropole
33 Hotel Metropole

ніе перевернуть простую вещь навыворотъ, углубиться до лѣваго уха правой рукой позади затылка. Всего этого я въ Трумпельдорѣ не нашель. Зато былъ у него ясный и прямой разсудокъ; былъ мягкій и тихій юморъ, помогавшій ему тотчасъ отличать важную вещь отъ пустяка. Но и о важныхъ вещахъ онъ умѣлъ говорить просто — безъ той ходульности, которая иногда чувствуется въ его письмахъ. Говорилъ онъ трезво, спокойно, безъ сентиментовъ и пафоса, и безъ крѣпкихъ словъ. Въ послѣднемъ отношеніи даже русская казарма не повліяла. Отъ него я ни разу не слышалъ браннаго слова, кромѣ развѣ одного: «шелъма этакій». По еврейски любимое выраженіе его было «энь даваръ» — ничего, не бѣда, сойдетъ. Рассказываютъ, что съ этимъ словомъ на губахъ онъ и умеръ, пятью годами позже.

Съ одной рукой своей онъ управлялся лучше, чѣмъ большинство изъ насъ съ двумя. Безъ помощи мылся, брился, одѣвался; рѣзалъ свой хлѣбъ и чистилъ сапоги; въ Палестинѣ, потомъ въ Галлиполи съ одной рукой правилъ конемъ и стрѣлялъ изъ ружья. Въ его комнатѣ былъ совершенно дѣвичій порядокъ, платье было вычищено; все его обхождение было спокойно и учтиво; и онъ издавна былъ вегетаріанецъ, социалистъ и ненавистникъ войны — только не изъ тѣхъ миролюбцевъ, которые прячутъ руки въ карманъ и ждутъ, чтобы другіе за нихъ воевали.

Въ тотъ день намъ долго разговаривать не пришлось: съ нимъ вообще не приходилось долго разговаривать. Не принадлежа къ цеху «умниковъ», онъ именно поэтому умѣлъ сразу понять дѣло до конца и черезъ четверть часа отвѣтить да или нѣтъ. Тутъ онъ отвѣтилъ: да.

*
**

Вечеромъ мы — комитетъ попеченія о бѣженцахъ — собрались на квартирѣ у М. А. Марголиса; кромѣ хозяина, были тутъ іерусалимскій врачъ д-ръ Вайцъ, В. Л. Глускинъ, Г. Н. Городецкій, американскій туристъ Г. Капланъ, З. Д. Левонтинъ, Трумпельдоръ, агрономъ Я. Г. Этингеръ и я. Перечисляю имена такъ тщательно потому, что — выскажись то совѣщаніе противъ нашего плана — не о чемъ, вѣроятно, было бы теперь писать эту книгу. Но оно высказалось за: пятеро противъ двухъ, одинъ воздержался. Протоколъ, съ датой 17-го Адара 5675-го года хранится у В. Л. Глускина въ Тель-Авивѣ.

Черезъ недѣлю мы созвали бѣженскую молодежь на собраніе въ баракъ «Мафруза». Пришло около двухсотъ человекъ. За президентскимъ столомъ сидѣлъ раввинъ Делла Пергола и другіе члены бѣженскаго комитета, въ томъ числѣ сѣдой В. Л. Глускинъ.

Мы представили собранію отчетъ о положеніи. Требованій консула Петрова англичане, конечно, не выполнять; но и вѣчно оставаться въ баракахъ на чужомъ иждивеніи тоже не годится. Съ другой стороны — рано или поздно британская армія двинется изъ Египта на Палестину. Изъ Яффы ежедневно приходятъ новыя грустныя вѣсти: турки запретили еврейскія выѣски на улицахъ, выслали доктора Руппина, представителя сіонистской организаціи, — несмотря на то, что онъ нѣмецъ, — арестовали руководящихъ дѣятелей еврейскаго населенія и заявляютъ, что послѣ войны ужъ и совсѣмъ никакой еврейской иммиграціи не допустить. Итакъ?..

Документъ, который мы въ ту весеннюю ночь подписали въ этомъ голомъ и темномъ сараѣ «Мафруза», хранится теперь у В. Л. Глускина и будетъ нѣкогда переданъ въ національную бібліотеку нашу въ Иерусалимѣ. Это — кусокъ бумаги обычнаго ученическаго формата; на немъ резолюція о томъ, что учреждается еврейскій полкъ, который предложитъ англичанамъ свои услуги для операцій въ Палестинѣ, и около ста подписей. Первымъ подписался В. Л. Глускинъ.

— Я старъ, — сказалъ онъ, вырывая у меня перо, — въ солдаты не гожусь, но отвѣтственность за это рѣшеніе беру на себя.

На слѣдующее утро, пріѣхавъ въ Габбари, я засталъ посреди двора цѣлый парадъ. Три группы молодыхъ людей обучались маршировать. Инструктора были изъ ихъ же среды, изъ бывшихъ русскихъ солдатъ. Въ углу дѣвочки вышивали знамя; особый комитетъ изъ гимназистовъ уже шумѣлъ на весь лагерь, обсуждая, какъ перевести какой то военный терминъ на языкъ Библии. Потомъ пріѣхалъ Трумпельдоръ, всѣ три взвода выстроились въ колонну и прошли мимо него — или по крайней мѣрѣ хотѣли пройти — церемоніальнымъ маршемъ.

Онъ сочувственно улыбался.

Я сказалъ ему потихоньку:

— Маршируютъ они ужасно. Какъ овцы.

Онъ отвѣтилъ:

— Энь даварь.

Черезъ нѣсколько дней мы отправили новую делегацію — въ Капръ. Прежде всего делегація пошла къ министру внутреннихъ дѣлъ (официальный чинъ: «совѣтникъ при...»). Назывался онъ тогда мистеръ Рональдъ Грэхэмъ; теперь онъ сэръ Рональдъ, и состоитъ британскимъ посломъ въ Римѣ. Онъ оказался точно такой, какимъ и въ книгахъ изображаютъ шотландцевъ; сдержанный, неразговорчивый, хорошо прислушивается, но и вопросы задаетъ скупю. Зато вскорѣ выяснилось, что дѣло онъ дѣлаетъ быстро и точно.

Онъ спросилъ: «на сколько рекрутъ вы рассчитываете?», отмѣтилъ что то въ записной книжкѣ и сказалъ коротко:

— Отъ меня это не зависитъ, но постараюсь.

Послѣ этого, делегація поѣхала къ генералу Максвелю, который тогда командовалъ британскими войсками въ Египтѣ. Представилъ насъ ему Каттауи-паша, милый старенькій сефардъ, одинъ изъ виднѣйшихъ нотаблей всего Египта. Въ делегаціи были Трумпельдоръ, З. Д. Левонтинъ, В. Л. Глускинъ, М. А. Марголисъ и я. Бѣднаго Трумпельдора мы заставили нацѣпить всѣ четыре Георгія: два мѣдныхъ и два золотыхъ. Генераль пристально посмотрѣлъ на него и коротко спросилъ:

— Портъ - Артуръ?

Но отвѣтъ его на наше предложеніе разочаровалъ насъ глубоко:

— О наступленіи на Палестину я ничего не слышалъ, и сомнѣваюсь, быть ли вообще такому наступленію. Кромѣ того, по закону, я не имѣю права принимать въ британскую армію иностранцевъ. Могу предложить вамъ только одно: составить изъ вашихъ молодыхъ людей отрядъ для транспорта на мулахъ и послать его на какой нибудь другой турецкій фронтъ. Больше ничего не могу сдѣлать.

Въ ту ночь, въ номерѣ у Глускина, мы всѣ просидѣли до утра, обсуждая, что дѣлать.

Намъ, штатскимъ, казалось, что предложеніе генерала Максвеля надо вѣжливо отклонить. Французское слово «Corps de muletiers», которое онъ употребилъ, прозвучало въ нашихъ ушахъ очень ужъ не лестно, почти презрительно: пристойная ли это комбинація — первый еврейскій отрядъ за всю исторію діаспоры, возрожденіе, Сіонъ... и погонщики муловъ? Во вторыхъ — «другой турецкій фронтъ». Что намъ за дѣло до «другихъ» фронтовъ? Неясно было даже, о какомъ именно

фронтъ онъ говорилъ: первое морское покушеніе на Галлиполи тогда уже кончилось проваломъ, а о томъ, что готовится второе наступленіе, на этотъ разъ уже съ высадкой солдатъ на самомъ полуостровѣ, — объ этомъ еще только шептались. Но одно было ясно: въ Палестину ихъ не поведутъ. Значитъ, надо отказаться.

Другого мнѣнія былъ Трумпельдоръ.
— Разсуждая по солдатски, — сказалъ онъ, — я думаю, что вы увеличиваете разницу. Окопы или транспортъ — большого различія тутъ нѣтъ. И тѣ, и тѣ — солдаты, и безъ тѣхъ и безъ другихъ нельзя обойтись; да и опасность часто одна и та же. А я думаю, что вы простидитесь слова «муль». Это ужъ совсѣмъ по ребячески.

— «Муль», — отозвался кто то изъ насъ, — вѣдь это почти осель. Звучитъ, какъ ругательство, особенно по еврейски.

— Позвольте, — отвѣтилъ Трумпельдоръ, — по еврейски вѣдь и «лошадь» тоже ругательство — *bist a ferd!* — но службу въ конницѣ бы считали для нихъ честью. По французски *chameau* — самое обидное слово; однако, есть и у французовъ, и у англичанъ верблюжьи корпуса, и служить въ нихъ считается шикомъ. Все это пустяки.

— Но вѣдь это и не палестинскій фронтъ?

— И это не такъ существенно, разсуждая по солдатски. Чтобы освободить Палестину, надо разбить турокъ. А гдѣ ихъ бить, съ юга или съ сѣвера, это ужъ техническій вопросъ. Каждый фронтъ ведетъ къ Сіону.

Такъ мы ничего и не рѣшили. Идя домой съ Трумпельдоромъ, я ему сказалъ:

— Можетъ быть, вы и правы, но я въ такой отрядъ не пойду.

— А я, пожалуй, пойду, — отвѣтилъ онъ.

Утромъ, вернувшись въ Александрію, я засталъ телеграмму изъ Генуи. Подпись была: «Рутенбергъ». Онъ спрашивалъ, могу ли я съ нимъ повидаться, и гдѣ. Его имя и біографію я, конечно, зналъ; ни разу съ нимъ еще не видѣлся, — но въ Римѣ, еще до моего отъѣзда въ Египетъ, мнѣ сказалъ однажды А. В. Амфитеатровъ:

— Угадайте, кто теперь сильно заинтересовался сіонизмомъ? Петръ Моисеевичъ Рутенбергъ. Онъ говоритъ, что вмѣшательство Турціи въ войну открываетъ передъ евреями блестящія возможности, — и, по моему, онъ теперь носитъ съ важными планами. У него тутъ, кстати, большія связи въ правительственныхъ кругахъ, и во Франціи тоже.

Прочитавъ телеграмму, я сейчасъ же разыскалъ Трумпельдора и заявилъ ему:

— Иосифъ Владиміровичъ, я уѣзжаю. Если генералъ Максвелъ перемѣнитъ свое рѣшеніе и согласится учредить настоящій боевой полкъ, я приѣду; если нѣтъ, поищу другихъ генераловъ.

*
**

Въ среднихъ числахъ апрѣля, въ Бриндизи, я встрѣтился съ Рутенбергомъ — и тамъ же засталъ телеграмму отъ Трумпельдора:

«Предложеніе Максвеля принято».

Я пишу не исторію, а личные воспоминанія. Самъ я въ Галлиполи не былъ, и потому не могу ничего рассказать объ отрядѣ Трумпельдора. Но одно долженъ признать: правъ былъ Трумпельдоръ, а не я. Эти шестьсотъ *muletiers*, потихоньку открыли новую эру въ развитіи сіонистскихъ возможностей. До тѣхъ поръ трудно было говорить о сіонизмѣ даже съ дружелюбно настроенными политическими дѣятелями: въ то жестокое время, кому изъ нихъ было до сельско-хозяйственной колонизаціи или до возрожденія еврейской культуры? Все это лежало внѣ поля зрѣнія. Маленькому отряду въ Галлиполи удалось пробить въ этой стѣнѣ первую щель, проникнуть хоть однимъ пальцемъ въ это заколдованное поле зрѣнія воюющаго міра. О еврейскомъ отрядѣ упомянули всѣ европейскія газеты; почти всѣ военные корреспонденты, писавшіе о Галлиполи, посвятили ему страницу или главу въ своихъ письмахъ, потомъ и въ книгахъ. Вообще, въ теченіе всей первой половины военного времени, отрядъ этотъ оказался единственной манифестаціей, напомнившей міру, въ особенности англійскому военному міру, что сіонизмъ «актуаленъ», что изъ него еще можно сдѣлать факторъ, способный сыграть свою роль даже въ грохотѣ пушекъ. Для меня же лично, для моей дальнѣйшей работы по осуществленію замысла о легіонѣ, *„Zion Mule Corps“* сыгралъ роль ключа, открылъ мнѣ двери англійскаго военного министерства, дверь кабинета Делькассэ въ Парижѣ, двери министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ.

Но и чисто военная исторія Галлиполійскаго отряда тоже представляетъ собой красивую страницу въ нашей книгѣ военной лѣтописи. Очень жалѣю, что палестинскіе друзья Трумпельдора черезчуръ пото-

ропились съ выпускомъ его писемъ изъ Галлиполи. Въ нихъ Трумпельдоръ обращался къ близкому человѣку и интимно рассказывалъ о печаляхъ и заботахъ лагерной обыденщины, рассказывалъ съ обычной своей любовью къ деталямъ. Лагерная обыденщина всегда полна мелкихъ дрязгъ. Возьмите любую изъ романтическихъ кампаній сего Гарибальди: внутренняя жизнь лагеря и тамъ состояла наполовину изъ кухонной неурядицы, изъ ссоръ между поручикомъ А. и поручикомъ Б., изъ мириада мелкихъ разочарованій. Не въ этомъ смыслъ коллективнаго дѣйствія. Смысль и цѣнность его въ томъ, что съ перываго и до послѣдняго дня злополучной черчилевской авантюры эта группа бѣженской молодежи несла на себѣ тяжелую и опасную службу подъ турецкимъ огнемъ. Трумпельдоръ и въ этомъ былъ правъ: для транспорта и для траншей — опасность оказалась одна и та же. Вся занятая англичанами площадь равнялась всего нѣсколькимъ квадратнымъ верстамъ; съ вершины Ачи-Баба турецкія пушки засыпали картечью все это пространство, отъ переднихъ окоповъ до лагеря еврейскаго транспорта. Подъ этимъ огнемъ имъ приходилось каждую ночь вести своихъ муловъ, нагруженныхъ аммуниціей, хлѣбомъ и консервами, къ передовымъ траншеямъ и обратно. Они потеряли убитыми и ранеными пропорціонально не меньше, чѣмъ остальные полки Галлипольскаго корпуса, получили нѣсколько медалей, отслужили свою службу смѣло, съ пользой и честью. Особенно о смѣлости ихъ писалъ мнѣ генералъ сэръ Іанъ Гамильтонъ, главнокомандующій галлипольской экспедиціей: «...они работали со своими мулами спокойно подъ сильнымъ огнемъ, проявляя при этомъ еще высшую форму храбрости, чѣмъ та, которая нужна солдатамъ въ передовыхъ окопахъ — потому что тѣмъ въѣдъ помогаетъ возбужденіе боевой обстановки...» *)

Командовалъ ими подполковникъ Джонъ Генри Патерсонъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ христіанскихъ фигуръ, какія когда либо попадались на пути нашемъ за всѣ столѣтія разсѣянія. Я познакомился съ нимъ много позже и буду еще говорить о немъ въ дальнѣйшихъ главахъ. Трумпельдоръ, за которымъ англичане признали чинъ капитана, былъ сначала вторымъ по командѣ, но къ концу кампаніи Патерсонъ

*) ... «The men have done extremely well, working their mules calmy under heavy shell and rifle fire, and thus showing a more difficult type of bravery than the men in the front line who had the excitement of the combat to keep them going.» (November 17-th, 1915).

заболѣлъ, или былъ раненъ — не помню — и былъ отосланъ на излеченіе въ Англію, и тогда командованіе перешло къ Трумпельдору. послѣ ухода англичанъ изъ Галлиполи, онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ продержался во главѣ своего отряда, въ Александріи: тамъ они бомбардировали начальство петиціями, чтобы ихъ не демобилизовали, чтобы дали имъ возможность остаться вмѣстѣ и подготовиться къ моменту начала операцій на палестинскомъ фронтѣ; но петиціи не помогли. Zion Mule Corps былъ учрежденъ въ апрѣлѣ 1915 года, а 26-го мая 1916 его распустили. Лишь около 120 изъ его участниковъ снова попали въ солдаты, добрались до Лондона — и изъ этой группы и вокругъ нея тамъ возникъ тотъ еврейскій легіонъ, который впослѣдствіи, со штыками и пулеметами, принялъ участіе въ завоеваніи Палестины, и которому принадлежитъ рядъ могилъ подъ знакомъ щита Давидова на горѣ Елеонской. Правъ былъ Трумпельдоръ: хотъ побѣдили мы въ Иорданской долиинѣ, но путь черезъ Галлиполи былъ правильный путь